

Евгений оглянулся на изумрудно-зеленую доску, где следы мела образовали причудливый облачный узор, кашлянул и только потом посмотрел в глаза соискательнице Ледогоровой. Вкрадчиво улыбнувшись, та на пару сантиметров придвинула к нему лист ведомости.

— Очень жаль, но сейчас я не могу зачесть вам кандидатский минимум, — наконец сказал Евгений.

— Как это?

Евгений развел руками:

— Увы...

Ледогорова засмеялась:

— Увы-то увы, но не могу же я к вам каждый день, как на работу...

Подровняв бумаги на столе, Евгений с преувеличенным вниманием уставился в окно, где необычайно яркое зимнее солнце манило на улицу, заставляя чувствовать, что, сидя в аудитории, когда за окном такой ясный и морозный денек, он впустую теряет время. Но что делать, ни один из соискателей еще не уходил от него без нытья, что предмет не профильный и потому преподаватель должен понимать, что это чистая и никому не нужная формальность. Ледо-

горова не стала исключением. Что ж, Евгений терпеливо слушал ее, не перебивал. Хорошо хоть она была страшненькая и не пыталась его соблазнить, как некоторые другие аспирантки.

— Натяните троечку, — попросила Ледогорова, — и расстанемся навсегда.

Он покачал головой:

— Простите, но при самом моем горячем желании я не могу поставить удовлетворительно человеку, который не знает даже на ноль.

— Слушайте, ну я же врач, а не философ...

Евгений приосанился и выдал давно набившую оскомину речь о том, что раз она собирается заниматься исследовательской работой, то знание марксистско-ленинской философии просто необходимо для понимания материала в любой области науки. Вооруженная такими мощными инструментами познания, как логика, гносеология, онтология и герменевтика, Лидия Александровна Ледогорова сможет гораздо дальше продвинуться в своем исследовании, чем если бы руководствовалась только эмпирикой и интуицией.

— Ничего себе, я и слов-то таких не знаю, — вдруг засмеялась Ледогорова.

Евгений не хотел, а улыбнулся. И предложил:

— Я ведь не ставлю вам неудовлетворительную оценку, ведомость пусть полежит у меня в столе, времени еще много. Почитайте учебник, походите на лекции для студентов...

Но Ледогорова отрицательно покачала головой:

— Да уж спасибо, находилась в свое время. Есть у вас, философов, конечно, талант — трепать

языком два часа без перерыва и не сказать при этом абсолютно ничего.

— Или вы просто невнимательно слушали. Серьезно... — Евгений быстро подсмотрел имя в ведомости, — Лидия Александровна, попробуйте внимательно прочесть хотя бы учебник линейного вуза, самую малость вникните в предмет, и я вас уверяю, что ваша научная работа от этого только выиграет и вы найдете ответы на интересующие вас вопросы гораздо легче.

— Ну конечно, сейчас.

— Конечно, не сейчас, а, например, завтра. Чем скорее начнете, тем быстрее найдете.

Она снова засмеялась, весело и открыто, и Евгений вдруг ощутил такой сильный зов плоти, что едва не потерял сознание. Он зажмурился, представляя, как сейчас встанет, грубо и быстро поцелует ее в смеющийся рот и тут же прижмет к своему хлипкому преподавательскому столу из ДСП и алюминиевых реечек... И стол скорее всего развалится, да...

Он изо всех сил сжал виски, прогоняя наваждение.

— Послушайте, — по небольшой запинке Евгений понял, что Ледогорова тоже не помнит, как его зовут, — мы ж люди простые, работаем с тем, что есть перед глазами, а не со всякими там понятиями и сущностями. Поставьте троечку, а? И расстанемся друзьями?

— Вы хоть узнайте то, что собираетесь отвергать, — сказал он, украдкой переведя дыхание, — есть у меня один товарищ, тоже был весьма скептически настроен, но я настоял, чтобы он прочитал

работу Ленина «Что делать?», так потом за уши стало не оторвать. Периодически мне звонит, говорит: «Слушай, я ведь нахожу ответы на все свои вопросы! Такое чувство, будто я с Ильичом прямо разговариваю, будто он знает, что мне надо, и подсказывает...» Так все собрание сочинений и одолел.

— Ого! И в каком же отделении психиатрической клиники теперь можно найти этого вашего товарища? — фыркнула Ледорогова.

— Ваш сарказм неуместен. Мой друг совершенно нормальный человек, по крайней мере не позволяет себе судить о том, о чем не имеет ни малейшего понятия.

— Ладно, ладно, — Ледорогова встала, — но вы учтите, что если он свихнулся после прочтения, то его еще можно спасти, а если до, то шансов почти нет.

Она снова засмеялась, и Евгений с облегчением понял, что наваждение прошло. Он повторил, что оставляет ведомость открытой и ждет Лидию Александровну на пересдачу в любое удобное для нее время, на том и расстались.

Она пошла жаловаться друзьям на придурка и зануду, который уперся как баран и не понимает, что его идиотский предмет сто лет никому не сдался, а придурок и зануда остался сидеть, успокаивая свое так некстати проснувшееся мужское естество.

Когда ты много лет один, ничего удивительного, что порой находит, как на призывника.

Евгений прошелся по аудитории. Небольшая комната, чуть меньше школьного класса, с двумя рядами столов на тонких журавлиных ногах. У стены — стеллаж с книгами, на верхних полках плотно стоит,

корешок к корешку, собрание сочинений Ленина. Красивые книги, переплет светится глубоким ультрамарином и золотым тиснением, но кто-нибудь когда-нибудь доставал эти томики, листал просто так, по доброй воле?

Еще лет пятнадцать назад, когда Евгений учился, у этой Ледогоровой просто язык не повернулся бы вслух произнести то, что она сказала ему сегодня, даже троечку выпрашивать не осмелилась бы, а зубрила предмет как миленькая.

А теперь пожалуйста, теперь можно. Не только естественники, но и гуманитарии считают марксистско-ленинскую философию не живой наукой, а какой-то навязанной сверху чушью, а изучение ее — пустым и скучным ритуалом, необходимым разве что в качестве проверки на вшивость. Сумеешь вывихнуть себе мозги — молодец, служи дальше, а не сможешь одержать победу над здравым смыслом — прости, но ты нам не подходишь.

Может, он и не великий преподаватель, но старается объяснить студентам фундаментальные принципы своей науки, заинтересовать их, только они заранее не хотят его слушать, отбывают лекции, как на каторге. Запоминают самое основное, чтобы сдать экзамен и не дай бог проникнуться, узнать чего лишнего, будто это не философия, а какая-нибудь ужасная ересь и опасное мракобесие. Что поделять, если в обществе такая парадигма сейчас, что любого убежденного марксиста воспринимают как юродивого или лицемерного карьериста.

Что ж, раз в открытую ему говорят, что его предмет — пустая формальность, видимо, так оно и есть.

Никому не нужно, никому не интересно и бесполезно. Наверное, хватит донкихотствовать...

Евгений вышел из аудитории. Кафедра не профильная, поэтому вместе с другими гуманитарными отщепенцами расположена в старом доме на отшибе институтского городка. Здание добротной дореволюционной постройки, с высокими потолками, еще в хорошем состоянии, но признаки будущего упадка уже видны. На серых лестницах с выщербленными ступеньками кое-где не хватает деревянных поручней на перилах, по стенам змеятся причудливые узоры трещин, а большой стенд, посвященный работе кафедры, поблек и потускнел, и вообще, кажется, не обновлялся с шестидесятих годов. Только в углу лаборантка с помощью кнопок вывешивает расписание занятий, да и все. Фотографии все старые, еще черно-белые, и список рекомендованной литературы, который двадцать лет назад вывела тушью чья-то твердая рука, с тех пор не пополнился ничем. Судя по стенду, жизнь на кафедре замерла, как в замке спящей красавицы.

Евгений зашел в туалет, где стена возле плачущей ржавыми слезами трубы пошла неопрятными влажными пузырями. Иногда от этой трубы тянуло затхлостью, но сегодня, к счастью, запаха не было.

Евгений достал сигарету. Запрыгнув на широкий и высокий подоконник, он глубоко затянулся и пожалел, что не поставил Лидии Ледогоровой вожденный тройак. Вдруг наваждение повторится, когда она придет в следующий раз? Да, она страшная, как атомная война, и вообще не в его вкусе, но вдруг? Ведь случилось же сегодня, хорошо, она ничего не

заметила, а если он в другой раз не сумеет держать себя в руках?

Евгений вдохнул кислый дымок сухой болгарской сигареты, поймал часть своего отражения в зеркале над умывальником и отвернулся. С годами он все больше становится похож на отца...

Когда у тебя в тридцать два года остались только убеждения и ничего больше, то мир не перевернется, если ты про них забудешь. Не вздрогнет даже. И ты сам, наверное, за другими потерями не заметишь этой.

— В конце концов, мне что, больше всех надо? — громко произнес Евгений.

* * *

Вернувшись от начальства, Яна аккуратно переложила листы копиркой, подровняла, заправила в пишущую машинку, и от сознания, что любая буква, которая появится на бумаге, будет неправильной, ей будто судорогой свело руки.

Яна немножко посидела, вытерла платочком глаза, но они вновь наполнились едкими слезами бессилия и обиды. Странно теперь вспоминать, что еще три месяца назад ее переполнял восторг от одной только мысли о работе. Родители уверяли, что любой коллектив будет счастлив принять такую умную, воспитанную и работающую девочку, как она, и Яна в глубине души была с ними согласна. Мечталось, как она, краснодишломница, будет рассказывать коллегам о последних достижениях науки, а те, в свою очередь, щедро станут делиться с ней

опытом, наставлять и поддерживать. Только у реальности не оказалось ничего общего с прекрасными картинами, которые рисовало ее воображение.

Сегодня прокурор Мурзаева прямым текстом заявила, что пройдет еще очень-очень много лет, прежде чем из Яны вырастет что-то хоть отдаленно похожее на следователя, а для того, чтобы этот момент в принципе наступил, ей в первую очередь надо наглухо захлопнуть свой рот, молчать и слушать, что говорят опытные люди. «Для тебя есть инструкции и указания руководства, — припечатала прокурор, — а мысли свои в одно место себе засунь. И место это — не голова».

Неужели прошло всего полгода с тех пор, как на защите диплома ее хвалили именно за самобытность и оригинальность мышления? Что вообще было такое время, когда ее хвалили и ставили в пример?

В очередной раз промокнув глаза платочком, который с началом ее трудовой деятельности из изящного аксессуара превратился в предмет первой необходимости, Яна уставилась на чистый лист, торчащий из машинки. Просто волшебная бумага, что ни напиши на ней, все будет плохо.

Она же старается, могли бы разок похвалить хотя бы за это, но нет!

Права мама, не годится она для грубой работы с грубыми людьми...

Яна напечатала шапку обвинительного заключения с горькой уверенностью, что Мурзаева придется даже к этому, и тут дверь кабинета приоткрылась.

— Разрешите, Яна Михайловна?

Яна вскочила, приветствуя заместителя прокурора Максима Степановича Крутецкого.

— Ну что вы, Яна Михайловна, дорогая, давайте без официоза, — улыбнулся Максим Степанович, входя.

Яна поблагодарила, но осталась стоять, потому что Крутецкий побрезговал стулом для посетителей, а больше в ее тесном кабинете опуститься было не на что.

— Решил немножечко вас приободрить, вы не против? Вы способная девочка, и я уверен, что все у вас получится.

— Правда? — Яна зарделась от внезапной похвалы.

— Ну конечно! Вам надо только освоиться и понять, что для вас главное — дело, а для руководства — показатели, и это вещи не только не взаимосвязанные, но порой и прямо противоречащие друг другу. Сами знаете, есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика.

Максим Степанович расхохотался, и Яна поспешила улыбнуться ему в ответ.

От того, что сам Крутецкий удостоил ее своим вниманием, Яна чувствовала себя ужасно неловко, точно как в детстве, когда родители ставили ее перед гостями на стульчик и заставляли читать стихи.

Платочек в ее пальцах превратился в тугой жгут, и, заметив это, Максим Степанович мягко похлопал ее по руке:

— Не волнуйтесь, Яна Михайловна! Кстати, давно хотел сказать, что вы совершенно не ассоциируе-

тесь у меня с этим именем. Оно холодное, вычурное, а вы такая... — Крутецкий на секунду замялся, — настаивая, что ли... Слушайте, а что, если я буду называть вас наоборот? Яна — Аня. Анна вам гораздо лучше идет. Аня, Анечка... Хорошо так?

Яна кивнула, хотя собственное имя ей нравилось.

— Так вот, Анечка, не тушуйтесь. То, что вы возбудили дело об убийстве без трупа, вполне объяснимо и даже делает вам честь. Ситуация такая, что даже опытному, прожженному сыщику трудно остаться равнодушным, но и начальство тоже надо понять, ведь повиснет дело мертвым грузом, пока тело не найдут. Уж простите мне этот невольный каламбур. Ни раскрыть, ни переквалифицировать, так и будет висеть, показатели портить, в результате мы попадем в отстающие не потому, что плохо работаем, а из-за вашей неопытности. Может такое руководителю понравиться, сами-то как думаете?

Она энергично потрянула головой, мол, нет, не может.

— Ну вот... — Крутецкий развел руками и улыбнулся так ласково, что Яна, только осмелившаяся поднять на него глаза, снова потупилась, — так что не обижайтесь на начальство, если оно иногда забудет, что никто не рождается на свет готовым следователем по особо важным делам, договорились?

— Договорились, — прошептала Яна.

— Ну вот и умница! — радостно проговорил Максим Степанович и дружески добавил: — Держитесь, Анечка, и помните, что моя дверь всегда для вас открыта. Спрашивайте, не стесняйтесь, я с удовольствием подскажу.

Крутецкий ушел, а Яна вернулась к пишущей машинке и поправила лист так, чтобы поля выходили идеально ровными.

Вот могла же и Мурзаева так с ней поговорить, не унижая? Спокойно объяснить, в чем промах, ведь Яна понятливая, ей два раза повторять не надо. И ошибается она не от лени и не от глупости, а, наоборот, от усердия. Яна вздохнула. С первого дня она старалась изо всех сил, из кожи вон лезла, а заметил только один Крутецкий. Остальным на ее рвение глубоко плевать.

Мурзаева предупредила, что за свои идиотские инициативы она от оперов тоже получит, поэтому надо составить грамотный план следственных действий. Яна поднялась из-за стола, но сообразила, что нельзя так быстро воспользоваться любезностью Крутецкого.

Интересно, с одной стороны, она теперь полноправный следователь, процессуально самостоятельное лицо и нянек у нее тут нет. Мурзаева ее об этом проинформировала в первый же рабочий день и с тех пор не устает повторять, но, с другой стороны, та же самая Мурзаева все время орет, чтобы Яна не смела думать. Только и слышно: «Запрещено думать, когда есть инструкция! Сначала закон, потом указания руководства, потом советы старших товарищей и только потом, если ничего этого нет, собственные мысли! И то голова думает, а глаза смотрят и ищут, у кого бы спросить!»

И как же совместить эти диаметрально противоположные принципы?

Яна устала в зимние сумерки с уютными кляксами фонарей. Она любила это время с детства,